

«ПРОЗРЕВ ГЛУБИНЫ ДРЕВНЕЙ БЫЛИ...»

Природа и общество в поздней преистории
Дикая охота в археологии, мифологии и фольклоре
Колумбы бронзового века
История, высеченная в камне
Бронза Ближнего Востока — секреты технологий

Ответственный редактор — Игорь В. Манзура,
Заместитель ответственного редактора — Сергей Н. Разумов

ISSN 1608-9057

Stratum plus. No. 2.
Archaeology and Cultural Anthropology

“Into the Depth of Ancient Lore...”

Nature and society in late prehistory
Wild hunt in Archaeology, Mythology, and Folklore
Columbuses of the Bronze Age
History carved in stone
Near Eastern Bronze: secrets of technology

Editor-in-Charge — Igor V. Manzura,
Associate Editors — Sergey N. Razumov

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.
2026

Stratum plus. Nr. 2.
Arheologie și antropologie culturală

„Pătrunzând în adâncurile vechimei...”

Natură și societate în preistoria târzie
Vânătoarea sălbatică în arheologie, mitologie și folclor
Columbii epocii bronzului
Istoria sculptată în piatră
Bronzul Orientului Apropiat — secretele tehnologiilor

Redactor responsabil — Igor V. Manzura,
Redactori adjuncți — Sergey N. Razumov

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2026

СОДЕРЖАНИЕ

«ЗАБЫТЫЙ ЗНАК ВООБРАЖЕНИЯ»

- К. С. Тохатян, А. А. Григорян, Г. Д. Вардумян (*Ереван, Армения*). Постройки, средства передвижения и коммуникации в наскальном искусстве Армении (по петроглифам Котайка и Сюника) 15
- И. В. Манзура (*Кишинёв, Молдова*). По следам Дикой охоты 33
- Д. В. Панченко (*Санкт-Петербург, Россия*). Скандинавы бронзового века в Северной Америке: свидетельства устных традиций 59

«ПРЕДМЕТОВ СТАРЫХ ТАЙНЫЙ СМЫСЛ»

- А. А. Клещенко, Е. К. Столярова, А. Д. Япрынцева, А. В. Окулов (*Москва, Россия*). Фаянсовые и каменные украшения северокавказской культуры могильника Кёнделенская I в контексте традиций эпохи бронзы Предкавказья 95
- С. Н. Разумов, Д. Ф. Паткевич (*Тирасполь, Молдова*), А. Н. Бабенко (*Москва, Россия*), В. А. Белоносова (*Екатеринбург, Россия*), В. О. Бакуменко (*Москва, Россия*), О. Г. Занина (*Пушино, Россия*), О. С. Румянцева (*Москва, Россия*), В. С. Синика (*Тирасполь, Молдова*). Погребение днепро-прутской бабинской культуры с фаянсовыми бусами на Нижнем Днестре 133
- О. П. Ларенок (*Санкт-Петербург, Россия*), А. В. Кияшко (*Ростов-на-Дону, Россия*), О. В. Сергеева (*Саратов, Россия*). Погребения днепро-донской бабинской культуры с очковидными подвесками на территории Нижнего Дона 157
- В. Ю. Луньков, Ю. В. Лунькова (*Москва, Россия*). Наборы из двух ножей в погребениях срубной культурно-исторической общности: характеристика обряда 171

«ИТОГ НАУК ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ»

- А. Н. Мазуркевич, Е. В. Долбунова (*Санкт-Петербург, Россия*), Й. Мэгро (*Париж, Франция*), П. Киттель, М. Плоценник (*Лодзь, Польша*), А. М. Кульков (*Санкт-Петербург, Россия*). Многослойный торфяниковый комплекс мезолита- неолита Сертея II: палеоклиматические изменения и сообщества охотников-собирателей в VIII—III тыс. до н.э. 183
- К. М. Андреев, А. А. Шалапинин (*Самара, Россия*), К. А. Бабина, Е. В. Пархомчук (*Новосибирск, Россия*). Анализ изотопных сдвигов для коллагена костных образцов памятников каменного века (мезолит — энеолит) лесостепного Поволжья 201
- А. А. Горошников (*Москва, Россия*), С. В. Семенова (*Азов, Россия*), З. В. Горошникова (*Москва, Россия*). Археозоологические исследования коллекции из раскопок поселения позднего бронзового века Панагия 1 в юго-западной части Таманского полуострова 217

- В. В. Ткачев, С. В. Богданов (Оренбург, Россия), О. Н. Корочкова, И. А. Спиридонов, Д. В. Киселева (Екатеринбург, Россия). Геохимические и изотопные критерии медных руд Уральской горно-металлургической области эпохи бронзы . . . 231

«СОКРЫТЫЙ МАСТЕРА КАПРИЗ»

- Л. И. Авилова (Москва, Россия). Традиции художественного ремесла Месопотамии и Анатолии: эпоха бронзы. Декоративные покрытия и инкрустации 261
- В. Д. Викторова, С. Ф. Кокшаров (Екатеринбург, Россия). Энеолитический литейный комплекс памятника Палатки I (Среднее Зауралье) 285
- М. А. Раззак, А. Ю. Городилов (Санкт-Петербург, Россия). Новые находки изделий из бронзы и предметов, связанных с их производством на юго-восточном берегу Финского залива 301

«ПЬЯНЯЩИЙ РАЗУМ МИГ ОТКРЫТИЙ»

- С. Н. Разумов, Д. Ф. Паткевич (Тирасполь, Молдова), П. А. Косинцев, А. В. Кочнев, Д. О. Гимранов (Екатеринбург, Россия), В. С. Синика (Тирасполь, Молдова). Новый могильник усатовской культуры на Кучурганском лимане 321
- А. В. Кияшко (Ростов-на-Дону, Россия). Погребально-поминальный комплекс финала средней бронзы на Нижнем Дону с жертвоприношением мастера по кремнеобработке 339
- Л. М. Сверчков (Ташкент, Узбекистан), Н. Г. О. Бороффка (Берлин, Германия). Кайраккумская культура: ареал, хронология, происхождение 371
- В. К. Мерц, И. В. Мерц (Павлодар, Казахстан), К. Н. Солодовников (Тюмень, Россия). Жаргас — могильник позднего бронзового века на северо-востоке Казахского мелкосопочника 385
- А. Д. Горшков (Гродно, Беларусь). О дате открытия кремнедобывающих шахт Красносельского археологического комплекса (к 100-летию начала научных исследований) 403
- А. Н. Усачук, А. А. Горошников, З. В. Горошникова, Р. А. Мимоход (Москва, Россия). Коллекция костяных изделий поселения позднего бронзового века Багай 1 . . . 417

«ДИСКУССИИ СТРАСТНЫХ ПЕРЕХЛЕСТ»

- А. А. Романчук (Кишинёв, Молдова). «Цилиндрические» черпаки Единецкой культуры и их аналогии: новые данные к реуто-днестровской гипотезе генезиса Сахарна-Солончень 441
- С. В. Серов (Берлин, Германия). Грузия — симулякр «колыбели виноделия»: от первичного разрыва к индустриальной базе иностранных подвоев . . . 455
- Список сокращений 465
- Авторам *Stratum plus* 467

C O N T E N T S

“A LOST SIGN OF IMAGINATION”

- K. S. Tokhatyan, A. A. Grigoryan, G. D. Vardumyan** (*Yerevan, Armenia*). **Structures, Means of Transportation and Communication in the Rock Art of Armenia (Based on the Petroglyphs of Kotayk and Syunik)** 15
- I. V. Manzura** (*Kishinev, Moldova*). **In the Footsteps of the Wild Hunt** 33
- D. V. Panchenko** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Bronze Age Scandinavians in North America: Evidence from Oral Traditions** 59

“THE HIDDEN SENSE OF ANTIQUE OBJECTS”

- A. A. Kleshchenko, E. K. Stolyarova, A. D. Yapryntsev, A. V. Okulov** (*Moscow, Russian Federation*). **Faience and Stone Ornaments of the North Caucasian Culture of the Kyondelen I Burial Ground in the Context of the Traditions of the Bronze Age of the Ciscaucasia** 95
- S. N. Razumov, D. F. Patkevich** (*Tiraspol, Moldova*), **A. N. Babenko** (*Moscow, Russian Federation*), **V. A. Belonosova** (*Yekaterinburg, Russian Federation*), **V. O. Bakumenko** (*Moscow, Russian Federation*), **O. G. Zanina** (*Puschino, Russian Federation*), **O. S. Rumyantseva** (*Moscow, Russian Federation*), **V. S. Sinika** (*Tiraspol, Moldova*). **A Dnieper-Prut Babino Culture Grave with Faience Beads Found in the Lower Dniester** 133
- O. P. Larenok** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **A. V. Kiyashko** (*Rostov-on-Don, Russian Federation*), **O. V. Sergeeva** (*Saratov, Russian Federation*). **Burials of the Dnieper-Don Babino Culture with Eyeglass Pendants in the Territory of the Lower Don** 157
- V. Yu. Lunkov, Yu. V. Lunkova** (*Moscow, Russian Federation*). **Sets of Two Knives in Burials of the Srubnaya Cultural and Historical Community: Characteristics of the Ritual** 171

“THE OUTCOME OF THE SCIENCES’ INTERLACING”

- A. N. Mazurkevich, E. V. Dolbunova** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **Y. Maigrot** (*Paris, France*), **P. Kittel, M. Płóciennik** (*Łódź, Poland*), **A. M. Kulkov** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Mesolithic-Neolithic Multi-layer Wetland Complex Serteya II: Palaeoclimatic Changes and Hunter-gatherer Communities in the 8th—3rd Millennia BC** 183
- K. M. Andreev, A. A. Shalapinin** (*Samara, Russian Federation*), **K. A. Babina, E. V. Parkhomchuk** (*Novosibirsk, Russian Federation*). **Analysis of Isotope Shifts for Collagen of Bone Samples from Stone Age Sites (Mesolithic — Eneolithic) of the Forest-steppe Volga Region** 201
- A. A. Goroshnikov** (*Moscow, Russian Federation*), **S. V. Semenova** (*Azov, Russian Federation*), **Z. V. Goroshnikova** (*Moscow, Russian Federation*). **Archaeozoological Studies of the Collection from the Excavations of the Late Bronze Age Settlement of Panagia 1 in the Southwestern Part of the Taman Peninsula** 217

- V. V. Tkachev, S. V. Bogdanov (Orenburg, Russian Federation), O. N. Korochkova, I. A. Spiridonov, D. V. Kiseleva (Yekaterinburg, Russian Federation). Geochemical and Isotopic Criteria of Copper Ores from the Ural Mining and Metallurgical Region during the Bronze Age 231**

“THE MASTER’S VEILED WHIM”

- L. I. Avilova (Moscow, Russian Federation). Traditions in Artistic Craft of Mesopotamia and Anatolia: Bronze Age. Decorative Coatings and Inlays 261**

- V. D. Viktorova, S. F. Koksharov (Yekaterinburg, Russian Federation). Eneolithic Molds from the Palatki I Site (Middle Trans-Urals) 285**

- M. A. Razzak, A. Yu. Gorodilov (Saint Petersburg, Russian Federation). New Finds of Bronze Artifacts and Their Production in the Southeastern Gulf of Finland . . . 301**

“A HEADY MOMENT OF DISCOVERY”

- S. N. Razumov, D. F. Patkevich (Tiraspol, Moldova), P. A. Kosintsev, A. V. Kochnev, D. O. Gimranov (Yekaterinburg, Russian Federation), V. S. Sinika (Tiraspol, Moldova). A New Cemetery of the Usatovo Culture on the Kuchurgan Estuary 321**

- A. V. Kiyashko (Rostov-on-Don, Russian Federation). The Grave of the Final Middle Bronze Age Grave on the Lower Don with the Sacrifice of a Flintklapper 339**

- L. M. Sverchkov (Tashkent, Uzbekistan), N. G. O. Boroffka (Berlin, Germany). Kayrakkum Culture: Areal, Chronology, Origin 371**

- V. K. Merts, I. V. Merts (Pavlodar, Kazakhstan), K. N. Solodovnikov (Tyumen, Russian Federation). Zhartas — a Late Bronze Age Burial Ground in the North-East Kazakh Low Hills 385**

- A. D. Harshkoŭ (Grodno, Belarus). On the Date the Flint Mines of the Krasnoselsky Archaeological Complex were discovered (on the 100th Anniversary of the Beginning of Scientific Research) 403**

- A. N. Usachuk, A. A. Goroshnikov, Z. V. Goroshnikova, R. A. Mimokhod (Moscow, Russian Federation). Collection of Bone Artifacts from the Late Bronze Age Settlement Bagay 1 417**

“THE SWELL OF PASSIONATE DEBATES”

- A. A. Romanchuk (Kishinev, Moldova). “Cylindrical” Mugs of the Edinets Culture and Their Analogies: New Data for the Reuto-Dniester Hypothesis of the Sakharna-Solonceni Genesis 441**

- S. V. Serov (Berlin, Germany). Georgia — a Simulacrum of the “Cradle of Wine”: from Primary Discontinuity to the Industrial Base of Foreign Rootstocks 455**

- Abbreviations 465**

- Submissions 467**

A. A. Романчук

«Цилиндрические» черпаки Единецкой культуры и их аналогии: новые данные к реуто-днестровской гипотезе генезиса Сахарна-Солончень

Keywords: Bronze Age, Early Hallstatt, Incised and Stamped Pottery cultures, Carpathian-Danubian region, origin

Cuvinte cheie: epoca bronzului, Hallstatt timpuriu, culturile ceramicii incizate și ștanțate, regiunea carpato-dunăreană, proveniență

Ключевые слова: эпоха бронзы, ранний гальштат, культуры резной и штампованной керамики, Карпато-Дунайский регион, происхождение

A. A. Romanchuk

“Cylindrical” Mugs of the Edinets Culture and Their Analogies: New Data for the Reuto-Dniester Hypothesis of the Sakharna-Solonceni Genesis

The article examines new data supporting the author’s previously proposed Reuto-Dniester hypothesis for the origins of the Sakharna-Solonceni culture (and, more generally, the Carpathian-Dniester Incised and Stamped Pottery (ISP) cultures). The focus is on a specific and rare type of Sakharna-Solonceni ceramics: “cylindrical” mugs. Direct and close analogies to these mugs are found in the Edinets and Costișa cultures (which the author previously proposed as ancestral to the Sakharna-Solonceni and ISP cultures of the Carpathian-Dniester region). In turn, this type of ceramic “cylindrical” mugs of the Edinets and Costișa cultures could be inspired by their related cultures of the early Bronze Age from the Carpathian Basin (such as Schneckenberg, Hatvan and Nagyrév).

A. A. Romanchuk

Cupele „cilindrice” ale culturii Edineț și analogiile lor: noi date în sprijinul ipotezei răut-nistrene de geneză a culturii Saharna-Solonceni

Articolul analizează noi date care susțin ipoteza răut-nistreană privind proveniența culturii Saharna-Solonceni (și, în sens larg, a culturilor cu ceramică incizată și ștanțată (CCIȘ) din spațiul carpato-nistrean), ipoteză propusă anterior de autor.

O atenție specială este acordată unui tip ceramic rar și specific al culturii Saharna-Solonceni — cupele „cilindrice”. Cele mai apropiate analogii sunt identificate în culturile Edineț și Costișa, considerate anterior de autor ca posibili precursori ai culturii Saharna-Solonceni și ai complexului CCIȘ dintre Carpați și Nistru.

La rândul lor, pentru culturile Edineț și Costișa, sursa probabilă a acestui tip ceramic — cupele „cilindrice” — o constituie culturile înrudite din bronzul timpuriu din bazinul carpatic, precum Schneckenberg, Hatvan și Nagyrév.

A. A. Романчук

«Цилиндрические» черпаки Единецкой культуры и их аналогии: новые данные к реуто-днестровской гипотезе генезиса Сахарна-Солончень

В статье рассматриваются новые данные, подкрепляющие предложенную автором ранее реуто-днестровскую гипотезу происхождения культуры Сахарна-Солончень (и, в целом, культур Резной и Штампованной Керамики (КРШК) Карпато-Поднестровья). Основное внимание уделяется такому специфическому и редкому типу керамики Сахарна-Солончень, как «цилиндрические» черпаки. Прямые и ближайшие аналогии ему обнаруживаются в культурах Единецкая и Костиша (которые ранее и были предложены автором в качестве предковых для Сахарна-Солончень и КРШК Карпато-Поднестровья). В свою очередь, для культур Единецкой и Костиша источником данного типа керамики, «цилиндрических» черпаков, стали, по видимому, родственные им культуры ранней бронзы Карпатского бассейна (как Шнекенберг, Хатван и Надьрев).

The work was carried out within the framework of the project “Research and Assessment of the Architectural, Ethnographic, Archaeological and Artistic Cultural Heritage of the Republic of Moldova in the Context of European Integration” (Code: 170101), financed under the State Program of the Republic of Moldova (2024–2027) ■ Cercetarea și valorificarea patrimoniului cultural construit, etnografic, arheologic și artistic din Republica Moldova în contextul integrării europene” (Code: 170101), Suprogramul de cercetare (2024—2027) ■ Работа была выполнена в рамках проекта «Исследование и оценка архитектурного, этнографического, археологического и художественного культурного наследия Республики Молдова в контексте европейской интеграции» (код 170101), финансируемого в рамках Государственной Программы Республики Молдова (2024—2027 года)

© Stratum plus. Археология и культурная антропология.

© A. A. Романчук, 2026.

Светлой памяти Сергея Ивановича Коваленко

В прошлом году были проанализированы результаты ввода в научный оборот новых радиоуглеродных датировок ранних памятников культуры Сахарна-Солончень (Романчук 2025). Как было показано, это стало очередным подтверждением верности реуто-днестровской гипотезы происхождения культуры Сахарна-Солончень и, в целом, КРШК Карпато-Поднестровья, которая была обоснована ранее (Романчук 2003). К тому же, новые данные в очередной раз продемонстрировали, что все попытки лишь частичного признания тех или иных выводов реуто-днестровской гипотезы, что прослеживается, в частности, в работах М. Т. Кашубы и А. Ничика, обречены на неудачу. Тем более это справедливо по отношению к попыткам их некорректного использования.

Все попытки такого рода в итоге приводят только к нарастанию внутренних противоречий в представлениях самих этих исследователей (подробнее: Романчук 2010: 198; Романчук 2011). И каждое «частичное согласие» неизбежно требует от исследователя и следующих шагов в восприятии реуто-днестровской гипотезы.

Так, М. Т. Кашуба (Дараган, Кашуба 2008) де факто согласилась с предложенной идеей (Романчук 2003: 112) о необходимости выделения в развитии культуры Сахарна-Солончень не менее четырех этапов¹. Это, в свою очередь, означало необходимость признания и гораздо большей длительности существования этой культуры (Дараган, Кашуба 2008: 46; Kašuba 2009).

В русле концептуальных изменений поменял свою точку зрения В. А. Дергачев, прежде предполагавший наличие связи одноушковых кельтов в Карпато-Поднестровье с представителями КРШК (Дергачев 1997: 58; Dergachev 2002: 168). В новой версии (Дергачев 2010: 89) возобладали идея о сопряженности этих изделий с культурой Кишинэу-Корлэтен, что предлагалось ранее (Романчук 2009; Романчук 2010). Такая трактовка также означала, что нижнедунайские культурные группы, связанные с Вырбицким оча-

гом металлообработки, не могут даже гипотетически рассматриваться в качестве предковых для группы Сахарна-Солончень и КРШК Карпато-Поднестровья.

Наконец, А. Ничик, признав еще большую древность некоторых ранних памятников Сахарна-Солончень (Niciş 2008: 121, 33—40, 128) — равнозначную предложенной реуто-днестровской гипотезой, вынужден был далее построить сугубо фиктивную и очевидно несостоятельную схему. Схему даже не генезиса — а «проявления» КРШК. Согласно которой общность КРШК Карпато-Поднестровья (и Нижнего Дуная — типа Бабадаг I) — это не более чем «переходный период к раннему железному веку» (Niciş 2008: 132). А резная орнаментация керамики в эту эпоху «не представляет собой достоверный маркер культурной атрибуции» и является «всего лишь модой» („o expresie a model”), возникшей на основе «культурных элементов, которые известны еще с эпохи поздней бронзы (Ноуа-Кослоджень)» (Niciş 2008: 132).

То есть, как уже было замечено (Романчук 2011: 198), в видении А. Ничика культура Ноуа-Кослоджень «просто превратилась» в КРШК. Собственно, в некоторых местах монографии исследователь выражает это достаточно прямо: «... поздняя фаза Кослоджень, некоторые проявления которой известны как памятники типа Бабадаг I на Нижнем Дунае» (Niciş 2008: 109).

Увы, но разница между материалами Ноуа-Кослоджень и КРШК настолько очевидна, что схема А. Ничика даже не требует сколь-нибудь развернутого опровержения. Впрочем, в отдельной работе (Романчук 2010: 200—202) несостоятельность любых попыток возвести генезис даже памятников Бабадаг I, а тем более КРШК Карпато-Поднестровья, к культуре Кослоджень, была продемонстрирована вполне наглядно.

Представляя собой, как уже отмечалось (Романчук 2011: 199), очевидную реакцию на реуто-днестровскую гипотезу, схема А. Ничика одновременно игнорирует значительную часть выводов этой гипотезы. И прежде всего вопрос: откуда же в самих Ноуа и Кослоджень взялся, в целом для них столь нехарактерный, резной орнамент (и именно определенных мотивов)? И почему эти, в целом нехарактерные для них признаки (как в орнаментации кера-

¹ Корреляционный анализ погребальных комплексов тоже позволил выделить сначала четыре (Романчук, Якимовская 2014; Романчук, Якимовская 2014а), а затем — пять этапов развития Сахарна-Солончень (Романчук 2020).



Рис. 1. «Цилиндрический» черпак из Костешть II (нург. 4, погр. 1). Единецкая культура. Фото С.И. Коваленко.

Fig. 1. “Cylindrical” mug from Costești II (m. 4, b. 1). Edinets culture. Photo by Serghey Covalenco.

мики, так и в погребальном обряде), группируются в пространстве столь специфическим и узким образом?

Особо следует отметить крайнюю сомнительность хронологического «метода» А. Ничика (Niciș 2008: 111—123, 130—132), при котором оказались «смешанными в кучу» группы КРШК, весьма различные как по облику материальной культуры, так и хронологически. К ним можно отнести группы Тэмэоань, Холеркань-Ханска, ранний горизонт Сахарна-Солончень, близкие хронологически, но все же отличающиеся по облику, а также Бабадаг I, не только отличающийся по характеру, но и очевидно более поздний хронологически.

Как уже отмечалось, А. Ничик при этом «фактически полностью проигнорировал результаты работ предшественников, в первую очередь, В.П. Ванчугова, А. Ласло, О.Г. Левицкого и М. Брудиу, показавших, что общность КРШК отнюдь не однородна во времени и пространстве» (Романчук 2011: 199). Это же замечание, впрочем, верно и в отношении его коллег и последователей — А.Н. Заноча и М. Бэца (Романчук 2025: 260, прим. 3).

Таким образом, именно попытка А. Ничика особенно наглядно продемонстрировала следующее обстоятельство. Признав в контексте реуто-днестровской гипотезы древность возникновения ранних памятников типа Сахарна-Солончень («горизонт Солончень-Хлиная»), как он был обозначен ранее (Романчук 2003: 112; Романчук 2010: 198; Романчук 2011), неизбежно приходится принимать, в том числе, и поставленный этой гипотезой вопрос о реальных истоках куль-

туры Сахарна-Солончень и, в целом, КРШК Карпато-Поднестровья.

Напомним, ранее было предложено искать истоки Сахарна-Солончень и вообще КРШК Карпато-Поднестровья в культуре Костиша. При этом особо оговаривалось, что «... Костиша была одним из основных компонентов, участвовавших в ее формировании. Однако сам процесс трансформации Костиши в новую культуру пока нуждается в дальнейшем выяснении» (Романчук 2003: 114). Позже была аргументирована необходимость учитывать в этом процессе и Единецкую культуру (Романчук 2011).

То есть, еще раз подчеркнем: речь должна идти о неких производных Костиши и Единецкой культуры, которые не утратили своего культурного своеобразия в позднем бронзовом веке, в эпоху культуры Ноуа, хотя и находились, по всей видимости, под ее влиянием. При этом допускается возможность «вообще “ноуаского флера” на ранней стадии формирования даже локального варианта Ноуа» (Романчук 2003: 17; см. также: Романчук 2011: 200). Впоследствии, с исчезновением культуры Ноуа и началом раннего гальштата, именно эти производные групп Костиши и Единецкой переживают свой ренессанс, давая начало Сахарна-Солончень (горизонту Солончень-Хлиная) и вообще КРШК Карпато-Поднестровья.

Единецкая культура, стоит сразу отметить, считается культурой раннего бронзового века. Однако верхняя граница ее существования, во-первых, прочерчена весьма условно. Во-вторых, даже эта, весьма условная граница, по общепринятым представлениям должна быть отнесена к XVII веку до н. э. (Dergacev 2002: 109—110).

Между тем, согласно современным датировкам, начало культуры Ноуа — это XVI век до н. э. (Sava 2002: 240; Ușurelu 2005: 75; Motzoi-Chicideanu 2011: 106; Diaconu 2014: 22; Motzoi-Chicideanu, Șandor-Chicideanu 2015: 30; Puskás et al. 2023: 82; Diaconu et al. 2023: 116). Соответственно, даже на этом основании мы можем говорить об очевидном хронологическом стыке между культурой Ноуа и Единецкой. Помимо того, имеются факты, позволяющие предполагать более длительное существование Единецкой культуры и ее участие в генезисе культуры Ноуа (Романчук 2011: 195—203).

Необходимо также отметить, что реуто-днестровская гипотеза с самого начала исходила не из возможности, но из необходимости, даже неизбежности, возведе-

ния и группы Сахарна-Солончень, и КРШК Карпато-Поднеэтровья в целом, именно к Костише (а позже и Единицкой).

Такая необходимость и неизбежность вытекают, во-первых, из невозможности возвести, вопреки попыткам сторонников нижнедунайской версии происхождения КРШК, истоки этой общности к культуре Монтеору (Романчук 2003: 77—97; Романчук 2011). Слишком значительна и ощутима разница в таких ключевых для культурной атрибуции аспектах материальной культуры, как керамика (прежде всего стиль ее орнаментации) и погребальный обряд.

Во-вторых, эта необходимость очевидна в свете чрезвычайной и весьма специфичной степени сходства в том же комплексе ключевых культурно-атрибутирующих признаков между КРШК Карпато-Поднеэтровья — и Костишей и Единицкой, выраженных в керамике с ее стилем орнаментации и погребальном обряде.

Так, именно Костиша и ранние памятники КРШК, включая горизонт Солончень-Хлиная, представляют весьма специфичный (в пределах Балкано-Карпато-Дунайского региона эпохи бронзы и раннего гальштата) стиль резной орнаментации керамики. Он характеризуется общей скудностью и полным отсутствием криволинейных мотивов. При этом в центре этого стиля находятся практически только два основных мотива: «косозаштрихованные треугольники вершиной вниз» и «группы косых под углом» (подробнее: Романчук 2003: 101—105; Романчук 2011: 196). Как отмечает Р. Мунтяну, для орнаментации керамики Костиши «главным элементом является резной косо заштрихованный треугольник» (Munteanu 2010: 141, 310, fig. 50). То же самое справедливо в отношении группы Сахарна-Солончень и ранних памятников КРШК Карпато-Поднеэтровья.

В равной степени и «погребальный обряд Единицкой культуры чрезвычайно близок таковому культуры Костиша и группы Белый Поток. А в еще, пожалуй, большей степени он близок погребальному обряду Сахарна-Солончень» (Романчук 2011: 195). Причем «в отношении погребального обряда для Карпато-Поднеэтровья эпохи бронзы — раннего гальштата именно Единицкая культура, культура Костиша и группа Белый Поток, а также культура Сахарна-Солончень обособляются в отдельную группу. И, с территориальной точки зрения, речь идет фактически об одном и том же регионе — центральной и северной части Карпато-Поднеэтровья» (Романчук 2011: 196).

Представляется совершенно невероятным, чтобы на одной и той же территории, притом в хронологически близкие, практически стыкующиеся, периоды времени, возникли совершенно случайно и без всякой связи друг с другом два столь сходных по комплексу ключевых признаков культурных феномена. Подчеркнем, что речь идет именно о комплексе признаков.

Сегодня к изложенным ранее фактам в пользу генетических связей между Сахарна-Солончень и Единицкой культурами (Романчук 2011) можно добавить некоторые новые наблюдения. В частности, это касается каменных топоров-молотов и кремневых наконечников стрел. Ранее (Романчук 2003: 33) обращалось внимание на то, что в целом, согласно наблюдениям исследователей (Кашуба 2000: 320—322), эти типы изделий находят широкие аналогии в целом ряде культур раннего гальштата и даже поздней и средней бронзы Карпато-Поднеэтровья и Северного Причерноморья. Такая ситуация резко диссонировала с традиционной на тот момент датировкой начала Сахарна-Солончень (не ранее конца На В1).

Весьма примечательно, что характерные для Единицкой культуры типы этих изделий (Дергачев 1986: 112, рис. 26, 116; Демченко 2008: 197, рис. 5) также представляют прямую аналогию типам, засвидетельствованным в культуре Сахарна-Солончень (Кашуба 2000: 320, рис. XXVIII, 2, 6, 12, 18). Находят аналогии эти типы и в материалах культуры Костиша (Munteanu 2010: 168; Diaconu 2010: 11).

В керамике же особый интерес вызывает тип, обозначенный М. Т. Кашубой как «вариант Б I типа» кухонной керамики Сахарна-Солончень. Это небольшие сосуды (7—11 см высотой, 9—10 см — диаметр венчика, 4—7 см — диаметр дна) усеченно-конической формы, снабженные петельчатой вертикальной ручкой в верхней части тулова, но ниже венчика (Кашуба 2000: 295)². Они представле-

² Представляется также важным обратить внимание, что для кухонной керамики Сахарна-Солончень «в шести случаях горшки III типа снабжены одной грубой ручкой, расположенной в верхней части тулова» (Кашуба 2000: 295). Тип III морфологически несколько отличается от типа I. Прежде всего, легкой отогнутостью венчика наружу и более округлым туловом. В то же время, тип I — это «открытые сосуды усеченно-конической или почти цилиндрической формы» (Кашуба 2000: 294).

Размеры типа III («диаметр венчика — 20—35 см») сопоставимы с типом I в общем («диаметр венчика — 22—30 см»). Но, как видим, заметно выше размеров именно варианта Б типа I.



Рис. 2. «Цилиндрические» черпаки Единецкой культуры: 1 — Костешть II (кург. 4, погр. 1) (фото автора); 2 — Костешть VIII (по: Дергачев 1976).

Fig. 2. “Cylindrical” mugs of Edinets culture: 1 — Costești, m. 4, b. 1; 2 — Costești VIII (1 — photo by author, 2 — after Дергачев 1976).

ны только в погребениях — Климэуць де Жос, погр. 1 (Кашуба 2000: 392, рис. LXVII, 8), Алчедар IX (Кашуба 2000: 391, рис. LXVI, 11) и Алчедар VII (Кашуба 2000: 390, рис. LXV, 14). Все эти комплексы относятся к первой фазе развития культуры Сахарна-Солончень (Романчук 2020: 115, таб. 1). То есть, это архаичный для Сахарна-Солончень тип керамики.

Аналогий ему М. Т. Кашубаненашла. Ненашел их, отметив редкость и «незначительное количество» находок, и А. Ничик (Niciș 2008: 105), обозначивший его как «черпак усеченно-конической формы» («тип IIIb/2», по его классификации) в категории столовой керамики (Niciș 2008: 66)³.

Между тем, очевидную и прямую аналогию этому типу керамики Сахарна-Солончень представляет собой сосуд «неправильно-цилиндрической формы с асимметричным краем и простой петлевидной ручкой» Единецкой культуры (Дергачев 1982: 16). Он происходит из погребения 1 кургана 4 могильника Костешть («Костешть II»). И, как указывает здесь же В. А. Дергачев, имеет «высоту 13 см, диаметр устья 13 см и диаметр дна 9 см». То есть, не только по своему обли-

ку, но и по размерам, а также технологии изготовления (достаточно грубое тесто и плохой, «костровой» обжиг), он вполне соответствует упомянутым сосудам Сахарна-Солончень.

Следует добавить, что если замеры этого сосуда, по В. А. Дергачеву, в целом не вызывают нареканий, то ручка данного сосуда во всех публикациях изображена неверно (Дергачев 1982: 15, рис. 4: 4; Дергачев 1986: 113, рис. 27: 13; Machnik 1991: 43, fig. 10; Демченко 2008: 197, рис. 5). На самом деле она гораздо массивнее (2,5 см шириной), начинается на расстоянии в один сантиметр ниже венчика и крепится нижней частью к тулову на расстоянии в 6 см от венчика, то есть, лишь чуть выше, на полсантиметра, середины тулова⁴.

В контексте обсуждения данного типа следует упомянуть и еще одну находку из могильника Костешть VIII (Дергачев 1982: 70, рис. 20: 1). Сегодня этот могильник атрибутируется почти всеми исследователями также Единецкой культуре (Демченко 2008: 192).

Правда, О. Г. Левицкий попытался связать его с Западно-Подольской группой (Levițki 1998: 42). Однако, как я постарался показать ранее (Романчук 2011: 201—202), эта попытка не выдерживает критики. При всей дискусионности данного памятника представляется явным, что предметом дальнейших

³ Здесь вынужден заметить, что и «типологические изыскания» А. Ничика вызывают очень большой скепсис. Например, в своем типе III, «черпаки с выступающей ручкой», А. Ничик даже в пределах вариантов этого «типа» объединил весьма различающиеся разновидности черпаков (Niciș 2008: 234, fig. 120). Поэтому пользоваться его «типологиями» лично я возможности не вижу.

⁴ Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность Е. Н. Саве за предоставленную возможность работать с материалами Единецкой культуры в фондах Национального музея истории Молдовы. А также Е. Н. Абызовой — за помощь в навигации по хранилищу.

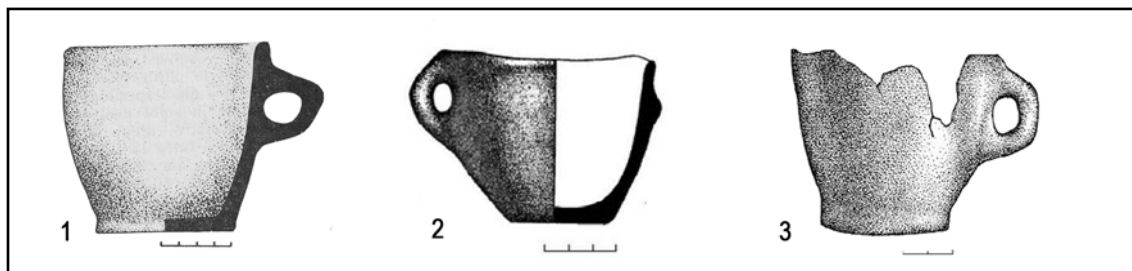


Рис. 3. «Цилиндрические» черпаки культуры Сахарна-Солончень: 1 — Климэуць де Жос; 2 — Алчедар VII; 3 — Алчедар IX (1 — по Левинский, Борзияк 1991; 2, 3 — по Кашуба 2000).

Fig. 3. “Cylindrical” mugs of Sakharna-Solonceni culture: 1 — Climausti de Jos; 2 — Alcedar VII; 3 — Alcedar IX (1 — after Левинский, Борзияк 1991; 2,3 — after Кашуба 2000).

обсуждений может быть только его хронологическая позиция и конкретный статус связанности с Единецкой культурой, но не собственно связь с ней. Возможно, речь должна идти о некоем производном Единецкой культуры.

Согласно представленному описанию, находка из могильника Костешть VIII — это «одноручный сосуд (дно отсутствовало) цилиндрической формы» (Дергачев 1982: 73). Он изготовлен из массы с примесью шамота и имеет шероховатую поверхность. То есть, как видим, степень морфологического сходства доходит до почти тождества с экземпляром из Костешть II (курган 4, погр. 1).

Однако, также следует отметить, что, кажется, и сосуду из Костешть VIII не повезло с рисунком в публикациях (Дергачев 1982: 70, рис. 20: 1; Levițki 1998: 59, fig. 11: 2). Вопреки представленным в них изображениям, ручка этого сосуда также массивнее. Ее расположение (как свидетельствует обращение к отчету о раскопках — Дергачев 1976: рис. 25: 4) практически аналогично рассмотренному выше сосуду из Костешть II (курган 4, погр.1). То есть, можно говорить, что обсуждаемый тип представлен в Единецкой культуре двумя, очень схожими по облику, экземплярами.

При этом практически тождественную и территориально ближайшую аналогию этому типу Единецкой культуры можно распознать в культуре Шнекенберг (Machnik 1991: 21, fig. 5: 14). По формулировке Я. Махника, этот тип представляет собой «горшкоподобную, цилиндрической формы кружку, с ручкой или без» (Machnik 1991: 18).

Характерные аналогии, хоть и несколько отличающиеся по месту крепления ручки, известны в одной из среднедунайских культур эпохи ранней бронзы — Хатван (Дергачев 1986: 119, рис. 29: 19; Kalisz 1984: 207, Taf. LII: 11, 12). Они также присутствуют, слегка отличаясь деталями в оформлении венчика и дна,

в старшей фазе культуры Надьрев (Machnik 1991: 111, fig. 22: 6; Kalisz-Schreiber 1984: 181, XLIII: 9). Хорошую аналогию представляет собой и черпак из керамического репертуара Хурбаново (Novotna, Novotny 1984: 322, Taf. LXXXIVa).

Круг аналогий этим сосудам среди среднедунайских культур ранней бронзы можно расширить. И не только среднедунайских. В ранней фазе Межановицкой культуры Малопольши, к примеру, также представлены весьма близкие аналогии (Machnik 1984: 371, Taf. XCI: 7)⁵. Однако необходимости в таком расширении, полагаю, нет. Приведенных аналогий уже достаточно, чтобы прийти к выводу: по всей видимости, именно эти, родственные Единецкой (Дергачев 1986: 117—119; Machnik 1991: 42; Демченко 2008: 199), культуры ранней бронзы Карпатской котловины и стали для нее источником данного типа керамики.

Фиксируется аналогия этим сосудам Единецкой культуры и в культуре Костиша, хотя она и несколько отличается по месту крепления верхней части ручки, которая крепится прямо к венчику (Munteanu 2010: 134, 309, fig. 49: 4 b). Известен, правда, только один восстанавливаемый полностью экземпляр, происходящий из Подурь-Дялул Гиндару (Munteanu 2010: 327, fig. 67: 5). Этот черпак, изготовленный из достаточно грубого теста, орнаментирован резным орнаментом в виде ряда косо заштрихованных треугольников вершиной вниз, идущего чуть ниже венчика.

⁵ Интерес вызывают также отмеченные Я. Махником локальные особенности некоторых памятников ранней бронзы (преимущественно — Хлопице-Веселе) верхний Прута и Днестра (Machnik 1991: 170—171, fig. 34). В их инвентаре мы видим и значительное присутствие «цилиндрических» сосудов с ручкой, которая крепится существенно ниже венчика, а иногда — и к венчику.

За исключением орнаментации и оформления венчика, очень близкие аналогии этому типу черпаков Костиши известны также среди культур ранней бронзы Среднего Дуная. Конкретно, в поздней фазе культуры Надърев (Kalisz-Schreiber 1984: 187, XLIX: 10, 12).

Таким образом, рассмотренный выше керамический тип «цилиндрических» черпаков узко увязывает Единецкую культуру (а также Костишу) и Сахарна-Солончень.

В связи с «цилиндрическими» черпаками культур Единецкой и Костиша (а также Сахарна-Солончень) важно также обратить внимание, что они явно имитируют формы кухонной керамики. Это позволяет заключить, что и для Единецкой культуры в кухонной керамике характерны именно прямостенные горшки цилиндрической/подцилиндрической формы.

Ранее уже указывалось, что именно прямостенные горшки почти цилиндрической формы являются типом кухонной керамики, который объединяет Сахарна-Солончень и Костишу (Романчук 2003: 108—109)⁶. В свете же вышеизложенного, можно добавить — видимо, и Единецкую культуру.

Полагаю, что дальнейший анализ позволит выявить еще некоторые прототипы керамики Сахарна-Солончень в Единецкой. Прежде всего, в этом отношении хотел бы выделить «высокие» черпаки Сахарна-Солончень, представленные некоторыми вариантами типов I и III по М.Т. Кашуба (Кашуба 2000: 301—304). Впрочем, это тема отдельного разговора.

Весьма любопытная аналогия «цилиндрическим» черпакам Единецкой культуры и Костиши (а также Сахарна-Солончень) обнаруживается и в погребении 29 могильника Бэдражий Векь-Стынка культуры Ноуа в Попрутье (Смирнова 1969: 58, рис. 6: 12; Sava 2002: Taf. 6: 5).

Согласно описанию, это «грубый баночный сосуд, украшенный гладким валиком ... высота сосуда — 14,8 см, диаметр венчика — 13 см, диаметр дна — 8 см» (Смирнова 1969: 69). Ручка у него крепится тоже заметно ниже венчика. При всех отличиях от «цилиндрических» черпаков как Единецкой культуры, так и Сахарна-Солончень он явно к ним близок. Причем по форме тулова он проявляет и оче-

видную близость к типу III кухонной керамики Сахарна-Солончень (Кашуба 2000: 295).

В самой Ноуа этот черпак представляет собой изолированное явление, и Е.Н. Сава отнес его к категории «инородных форм» (Sava 2002: 164—165). Аналогии ему исследователь видит, прежде всего, в среднедунайской культуре ранней бронзы Фюзешабонь, и конкретно в могильнике Гелей. Более отдаленные параллели наблюдаются в ряде других среднедунайских культур эпохи бронзы.

Действительно, аналогии из могильника Гелей весьма близки черпаку из Бэдражий Векь (Kemenczei 1979: Taf. II; III; VII). Однако в целом керамика, особенно ее орнаментация, культуры Фюзешабонь, как и последующих культур средней бронзы, характеризуется значительным количеством признаков, которые весьма отличают ее от Ноуа. И ключевой вопрос здесь, полагаю, должен заключаться в том, как именно появился сосуд этого типа, имеющий среднедунайские аналогии эпохи ранней бронзы, в Ноуа?

На мой взгляд, наиболее вероятным предположением будет именно то, что он унаследован Ноуа из фонда Единецкой культуры. Тем более, что этот могильник Ноуа, Бэдражий Векь-Стынка, расположен в окрестностях того же села, что и могильник Бэдражий Векь Единецкой культуры (Демченко 2008: 196).

В этой связи стоит напомнить и факт, подчеркнутый уже ранее (Романчук 2011: 198). Именно одноручные черпаки в культуре Ноуа концентрируются почти полностью в Попрутье (Sava 2002: 155, 201, karte 13), а зона их концентрации в чрезвычайной степени совпадает с ареалом Единецкой культуры, а также, отчасти, и культуры Костиша.

Такое пространственное распределение одноручных черпаков Ноуа имеет тем большее значение, что в целом Ноуа является культурой, в столовой керамике которой ощутимо преобладают именно двуручные сосуды (Motzoi-Chicideanu 2011: 106), т.н. *кантарос*. По подсчетам Е.Н. Сава, двуручные сосуды типа *кантарос* составляют в погребальных комплексах Ноуа 45,5%, тогда как одноручные черпаки лишь 13,2% (Sava 2002: 149). Это резко отличает Ноуа, в частности, от той же Монтеору, в погребениях которой, наоборот, именно «одноручные чаши являются наиболее многочисленной категорией» (Motzoi-Chicideanu 2011: 74),

Заметим здесь еще, что И. Моцой-Кичидяну также писал: «... the Noua culture takes over traditions of the Costișa pottery,

⁶ Тип III по Е. Москалу (Moscalu 1983: 37). В Сахарна-Солончень — это доминирующий, 48,8%, тип кухонной керамики (Кашуба 2000: 294).

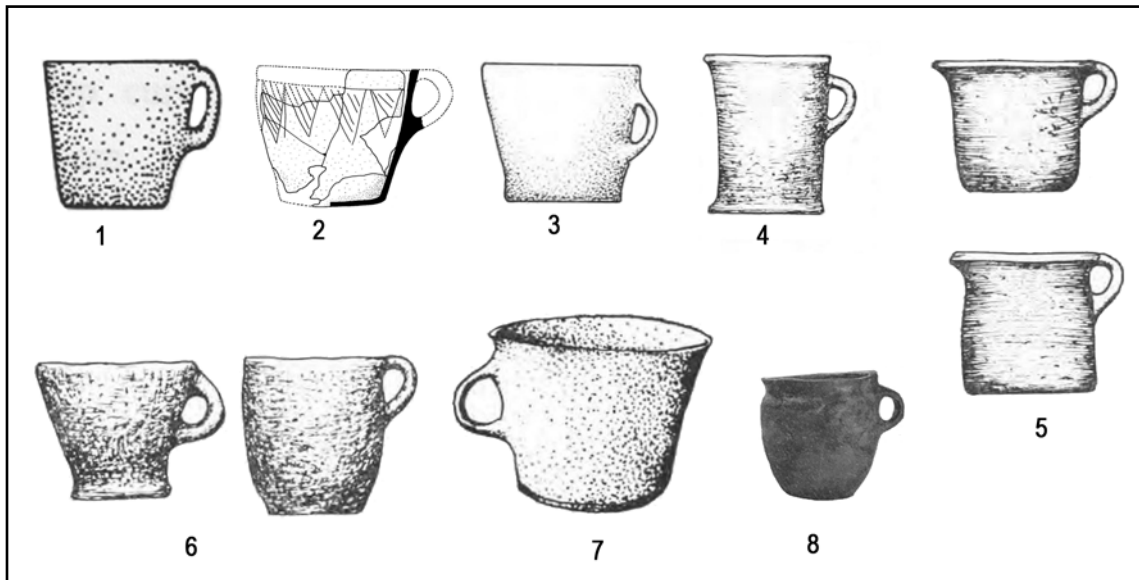


Рис. 4. «Цилиндрические» черпаки культур бронзового века Карпатского бассейна: 1 — Шнекенберг; 2 — Костиша; 3 — Мержановце; 4 — ранняя Надьрев; 5 — поздняя Надьрев; 6 — Хатван; 7 — Хурбаново; 8 — Бэдражий Векь, культура Ноуа (1, 3 — по Machnik 1991; 2 — по Munteanu 2010; 4-6 — по Kalisz-Schreiber 1984; 7 — по Novotna, Novotny 1984; 8 — по Смирнова 1969).

Fig. 4. “Cylindrical” mugs of Bronze Age of Carpathian region: 1 — Schneckenberg; 2 — Costișa; 3 — Merzanovice; 4 — Early Nagyrev; 5 — Late Nagyrev; 6 — Hatvan; 7 — Hurbanovo; 8 — Bădrajii Vechi, Noua culture (1, 3 — after Machnik 1991; 2 — after Munteanu 2010; 4-6 — after Kalisz-Schreiber 1984; 7 — after Novotna, Novotny 1984; 8 — after Смирнова 1969).

but in matters concerning the funerary practice the distinction between the two cultures is quite clear» (Motzoi-Chicideanu 2011: 83). То есть: «в керамике Ноуа развивает традиции Костиши, но в погребальном обряде разница между этими двумя культурами вполне очевидна».

Впрочем, что касается погребального обряда, то именно в бывшем ареале Единецкой культуры резко концентрируются погребения, демонстрирующие необычные, и даже крайне редкие для Ноуа, элементы погребальной традиции. Прежде всего, это касается использования камня в погребальных сооружениях (подразумевая, прежде всего, цисты (каменные ящики) и каменные круги). А также «массовой окрашенности костяков охрой» в Бэдражий Векь-Стынка (Смирнова 1969: 61) — что представляет собой крайне редкий, практически исключительный, для Ноуа случай (Смирнова 1969: 61; Sava 2002: 238). И, наконец, юго-восточной (а также южной и восточной) ориентации погребенных — при абсолютном доминировании в Ноуа северо-западной ориентации.

Как отмечает И. Моцой-Кичидяну по поводу цист и каменных кругов в погребениях Ноуа, «such funerary objects are infrequent, being attested only at Bădrajii Vechi and Burlănești, in Basarabia and Archiud, Jigodin (?) and Morești in

Transylvania»⁷ (Motzoi-Chicideanu 2011: 109). Там же исследователь детально поясняет, почему эта традиция в Ноуа не могла появиться из Монтеору, пытаясь связать ее появление с влиянием Комаровской культуры (Motzoi-Chicideanu 2011: 71). Однако такое допущение также не может быть принято, поскольку оно совершенно не коррелирует с выраженным отсутствием в рассматриваемой зоне, в Попрутье (и, конкретно, указанных памятниках Ноуа), иных сколь-нибудь заметных проявлений традиций Комаровской культуры. Это выражается, например, в практическом отсутствии каннелированной орнаментации (Sava 2002: 211—212, Karten 33, 34), широко представленной в Комаровской культуре. В той же степени это характеризуется отсутствием тюльпановидных горшков, вообще представляющих собой самую яркую «визитную карточку» культур Тшинецкого круга.

Наконец, не следует забывать, что для Комаровской культуры на территории Румынии (памятники типа Лунка и Адынкага) в принципе «основная масса погребений — трупо-

⁷ «... такие погребальные сооружения встречаются нечасто: они засвидетельствованы только в Бэдражий Векь и Бурлэнешть в Бессарабии, и Арчюде, Жигодине (?) и Морешть — в Трансильвании».

сожжения, а ингумации редки» (Munteanu 2010: 110).

Между тем, напротив, именно для Единецкой культуры широчайшее использование камня в погребальном обряде, прежде всего, каменных ящиков и кругов, является одним из ключевых признаков (Демченко 2008: 196). Ориентация погребенных в Единецкой культуре приурочена к южному и юго-западному секторам (Демченко 2008: 196). И, наконец, в некоторых могильниках Единецкой культуры отмечается использование охры, что конкретно засвидетельствовано в Костешть II (Дергачев 1982: 14, 16)⁸. Следует также упомянуть наличие угольков в заполнении или на дне могильной ямы, как в Куконештий Векь (Дергачев 1982: 56, 60), что также в культуре Ноуа является редкостью (Sava 2002: 238).

В связи с погребальным обрядом можно отметить и то, что именно в Попрутье концентрируются курганные погребения культуры Ноуа, в целом для нее нехарактерные. Как отмечает И. Моцой-Кичидяну, «The general appearance of the Noua cemeteries indicates that they were flat-grave, with exceptions recorded in Basarabia, at Bădragii Vechi, Burlănești, Chirileni and Pererota, in cases where at least some of the Noua graves have been found in barrows» (Motzoi-Chicideanu 2011: 108)⁹.

В Единецкой культуре к числу курганных погребений относятся, как минимум, Костешть II, Варатик и, в какой-то мере — Бурлэнешть (сосуд, впущенный в курган). Однако, судя по описанию раскопок, к курганным комплексам следует отнести и Куконештий Векь, где погребения, якобы «грунтовые» (В.А. Дергачев), располагались, на самом деле, под отчетливо видимой в рельефе насыпью (Дергачев 1982: 56). Она автором раскопок, собственно, первоначально и была воспринята как «сильно распаханная курганная насыпь», и копалась им именно как курган (Дергачев 1982: 56).

⁸ Причем здесь следует учесть, что в тех же Бэдражий Векь наличие охры в ряде случаев было замечено только уже в лабораторных условиях (Смирнова 1969: 49). Сохранность же костяков во многих могильниках Единецкой культуры была очень плохой. Поэтому, вполне возможно, что Костешть II — отнюдь не единственный случай использования охры в погребениях Единецкой культуры.

⁹ «Для Ноуа были характерны грунтовые могильники, за исключением ряда случаев, зафиксированных в Бессарабии — в Бэдражий Векь, Бурлэнешть, Кирилень и Перерыта, когда, по крайней мере, некоторые погребения Ноуа были обнаружены в курганах».

В отношении могильника Костешть VIII также можно отметить, что его погребения были интерпретированы О.Г. Левицким как впускные в зольник культуры Ноуа, воспринятый создателями могильника в качестве кургана (Levițki 1998: 39). И мне эта интерпретация представляется убедительной. То есть, по всей видимости, доминирующей в Единецкой культуре как раз была также традиция подкурганых погребений, основных или впускных.

Таким образом, вышеизложенное позволяет заключить, что, действительно, в указанной зоне Попрутья в могильниках культуры Ноуа прослеживается отчетливый субстрат как Костиши, так и Единецкой культуры. И, видимо, в этой зоне традиции этого «единецкого субстрата» сохраняются и в пост-ноуавское время, что позволяет видеть здесь еще один центр культурогенеза КРШК Карпато-Поднепровья, комплиментарный к реуто-днепровскому (Романчук 2003: 15, 34, 95—96).

Исследования румынских археологов за последние десятилетия также принесли ряд новых фактов, учет которых существенно подкрепляет и вывод в рамках реуто-днепровской гипотезы о культурах Костиша и Единецкой, точнее — их производных, как предках КРШК Карпато-Поднепровья. В силу этого, представляется важным обратить на эти факты внимание.

Итак, прежде всего, существенно изменилась ситуация с представлениями румынской историографии о культуре Костиша. Раннее советские исследователи, прежде всего И.К. Свешников, Г.И. Смирнова, С.С. Березанская, справедливо и аргументированно рассматривали Костиша и Комарово как две различные культуры (подробнее: Романчук 2003: 82—91). Румынские же специалисты предпочитали говорить о «Костиша-Комаров» (или «Костиша-Комаров-Белый Поток»). И эта тенденция румынской историографии получила особенное развитие как раз в начале 2000-х годов, в том числе в свете новых исследований (подробнее: Романчук 2011: 193).

Между тем, как неоднократно подчеркивалось, Комаровскую культуру принять в качестве истока КРШК никак невозможно — этому препятствует множество характерных для Комаровской признаков. Прежде всего, те же тьюльпановидные горшки и каннелюры в орнаментации керамики. Поэтому очень важно, что румынские исследователи сегодня также пришли к мысли о необходимости четко отличать культуру Костиша от Комаровской

(Munteanu 2010: 201, 133—146, 309—310, 333—334; Kavruk et al. 2022).

Важно также, что финальная дата Костиши сегодня помещается в районе конца XVI века до н. э. И сама культура Костиша синхронизируется, в том числе, со второй и третьей фазой культуры Виттенберг в Юго-Восточной Трансильвании (Kavruk et al. 2022: 119). То есть, подтверждается хронологический стык между Костишей и Ноуа (см. в этой связи также: Puskás et al. 2023: 82; Munteanu 2010: 209).

Такое хронологическое позиционирование Костиши хорошо соответствует отмечаемому ранее многими исследователями участию Костиши в генезисе Ноуа (подробнее: Романчук 2003: 79—96; Романчук 2011: 196, 198). Причем, как ранее подчеркивалось в реутоднестровской гипотезе (в частности: Романчук 2011: 198), именно Костиши, а не «Костиша-Комаров». Даже те исследователи, которые говорят о «роли Комаровской культуры» в генезисе Ноуа (например: Sava 2002: 238; Dietrich 2011: 119), зачастую на деле апеллируют именно к данным Костиши.

Отдельного рассмотрения заслуживают и идеи румынских исследователей об объединении культуры Костиша и группы Чомортан в единую культуру Костиша-Чомортан (Savuc 2005: 272; Kavruk et al. 2022: 118). Родство Костиши и группы Чомортан очевидно и безусловно. Тем не менее, представляется необходимым обратить внимание и на различия, а они также весьма существенны. Так, «The most specific decorative element on the Ciomortan style pottery is the incised triangle filled with pricked punctuations ... very rarely present on the Costișa style pottery»¹⁰ (Kavruk et al. 2022: 109). Имеются и другие существенные отличия (см. также: Székely 1997: 57—60). В силу этого, вопрос о том, каков именно статус этого несомненного, еще раз повторю, родства группы Чомортан и культуры Костиша, пожалуй, требует пока дальнейшего обсуждения.

Однако несомненен другой факт, следующий из признания этого родства. Это, как было уже отмечено (Романчук 2011: 195), включение в данный круг родства и Единецкой культуры. При всех различиях между Единецкой культурой и Костишей-Чомортан — несомненно и принципиальное их сходство. Наи-

лучшим его выражением является такой вид керамики, который для Единецкой культуры обозначается как «двуручные кубки». Для Чомортан и Костиши румынские археологи определяют его как «амфоретты» (Kavruk et al. 2022: 144, pl.17).

Собственно, на тот факт, что «сходные формы двуручных кубков известны и для памятников типа Чомортан», обращал внимание еще В. А. Дергачев (Дергачев 1986: 117). Однако характерные для Костиши такие же «амфоретты» (Munteanu 2010: 309, fig. 49, 1a, 1b), очевидно, также представляют собой прямую аналогию двуручным кубкам Единецкой культуры¹¹. Именно «амфоретты» рассматриваются румынскими исследователями как один из ключевых, «эмблематичных» (опознавательных и объединяющих) признаков для Костиша и Чомортан — «small two-handled „amphoretæ“, emblematic to the Ciomortan and Costișa»¹² (Kavruk et al. 2022: 118).

Этот факт тем более существенен в свете уточнений датировок всех трех культур (прежде всего, Костиша), которые произошли за последние десятилетия (Kavruk et al. 2022: 119). Связано это с тем, что Единецкая культура, Костиша и Чомортан оказываются в значительной части своего существования синхронными. По сути, перед нами единый культурный блок — как во времени, так и в пространстве — от Юго-Восточной Трансильвании (Чомортан) через Восточное Прикарпатье (Костиша) до Среднего Попрутья (Единецкая культура).

Однако подчеркну еще раз, каков реальный статус этого родства — применительно к Единецкой культуре, данный вопрос так же требует отдельного прояснения, как и в случае Костиши и Чомортан.

По всей видимости, одним из наилучших способов такого прояснения стало бы уточнение происхождения как «амфоретт», так и вообще этих культурных групп. Прежде всего, Единецкой, истоки которой особенно неясны. Для Костиша и Чомортан, по крайней мере, предлагается версия об их происхождении от группы Жигодин, которая является локальным вариантом культуры Глина Ш-Шнекенберг (Kavruk et al. 2022: 117).

¹⁰ «Наиболее характерным декоративным элементом на керамике в стиле Чомортан является резной орнамент в виде треугольника, заполненного наколами (вдавнениями) ... что очень редко встречается на керамике в стиле Костиша».

¹¹ Заслуживают внимания, полагаю, также некоторые сосуды несколько больших размеров, но морфологически чрезвычайно близкие амфореттам (Munteanu 2010: 309, fig. 49, 7a, 7b, 8a, 8b).

¹² «... маленькие двуручные “амфоретты”, эмблематичные для Чомортан и Костиша».

Увы, такая задача явно превышает мои возможности на текущий момент. Поэтому, завершая этот текст, ограничусь обозначенной констатацией в надежде, что в будущем еще представится возможность в эти вопросы углубиться. Пока же, подводя итоги вышесказанного, можно заключить следующее: на сегодняшний день накоплена уже критическая масса данных, которые позволяют много увереннее утверждать правоту реутоднестровской гипотезы генезиса Сахарна-Солончень и КРШК Карпато-Поднестровья,

в том числе, и в отношении предлагаемых истоков этого комплекса культур раннего гальштата. И прекрасным подтверждением этого вывода, полагаю, служит анализ такого керамического типа, как «цилиндрические» черпаки культур Сахарна-Солончень, Единецкой и Костиша.

Благодарности

Очень признателен И.В. Манзуре за ценные советы и замечания.

Литература

- Дараган М.Н., Кашуба М.Т. 2008. Аргументы к ранней дате основания Жаботинского поселения. *Revista arheologică (S.N.)* IV, 2, 40—73.
- Демченко Т.И. 2008. К вопросу о круге памятников единецкой культурной группы. *Turageția (S.N.)* III (XVIII), 1, 189—202.
- Дергачев В.А. 1976. *Отчёт об археологических исследованиях Припрутской экспедиции в 1975 году*. Кишинёв, Arhiva MNAIM, nr. 101 (рукопись).
- Дергачев В.А. 1982. *Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975—1976 гг.)*. Кишинёв: Штиинца.
- Дергачев В.А. 1986. *Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы*. Кишинев: Штиинца.
- Дергачев В.А. 2010. *Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья*. Chişinău: Tipografia Centrală.
- Кашуба М.Т. 2000. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом. *Stratum plus* (3), 241—488.
- Романчук А.А. 2003. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата. *Stratum plus* (3) (2001—2002), 8—117.
- Романчук А.А. 2009. Металлические изделия (кельты и серпы) и генезис исторической общности КРШК эпохи раннего гальштата Карпато-Днестровского региона. *МАСП IX*, 54—67.
- Романчук А.А. 2010. Кельты, серпы и культуры Резной и Штампованной керамики раннего гальштата Карпато-Поднестровья (На А — На В1). *Stratum plus* (2), 195—212.
- Романчук А.А. 2011. Горизонт Солончень-Хлиная, Единецкая культура и другие проблемы генезиса Сахарна-Солончень: еще один шаг к продуктивной дискуссии. *Stratum plus* (2), 187—206.
- Романчук А.А. 2020. Динамика эволюции орнаментации керамики культуры Сахарна-Солончень и миграционные процессы раннего гальштата в Карпато-Поднестровье. *Stratum plus* (3), 111—127.
- Романчук А.А. 2025. Радиоуглеродные датировки из Сахарна Маре — Дялул Мэнэстирий и реутоднестровская гипотеза возникновения культуры Сахарна-Солончень. *Stratum plus* (3), 257—262. DOI: 10.55086/sp253257262
- Романчук А.А., Якимовская А.Д. 2014. Корреляционный анализ погребальных комплексов культуры Сахарна-Солончень. В: Гринин Л.Е., Коротаев А.В. (отв. ред.). *История и Математика: аспекты демографических и социально-экономических процессов*. Волгоград: Учитель, 128—145.
- Романчук А.А., Якимовская А.Д. 2014а. Относительная хронология культуры Сахарна-Солончень (по данным погребальных комплексов). В: Бисембаев А.А. (отв. ред.). *Кадырбаевские чтения—2014: материалы IV Международной научной конференции*. Астана: Мегапринт, 165—169.
- Смирнова Г.И. 1969. Новый могильник культуры Ноа у с. Старые Бедражи на Пруте. *АСГЭ* 11, 48—71.
- Cavruc V. 2005. The Ciomortan group in the light of new researches, *Marmatia* 8 (1), 81—123.
- Dergačev V.A. 2002. Die äneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. *PBF XX* (9).
- Diaconu V. 2010. Considerații privind topoarele de leaptă din piatră specifice epocii bronzului din regiunile est-carpătice ale României. *Revista Arheologică (S.N.)*, V (1), 5—21.
- Diaconu V. 2014. *Cultura Noua În regiunea vestica a Moldovei*. Rezumatul tezei de doctorat. Iasi.
- Diaconu et al. 2023: Diaconu V., Mistreanu E., Simalscik A., Florescu G., Petrová M. 2023. Bronze age burials in a tumulus from Brînzenii Noi (Republic of Moldova). Bio-archeological data. In: Diaconu V., Gafincu A. (eds.). *The Bronze Age in Eastern Europe: multidisciplinary approaches*. Brăila: Istros, 107—134.
- Dietrich L. 2011. Gânduri asupra dimensiunilor sociale ale vaselor de tip kantharos din cultura Noua. In: Măgureanu D., Măndescu D., Matei S. (eds.). *Archaeology: making of and practice. Studies in honor of Mircea Babeş at his 70 th anniversary*, Pitești: Ordessos, 115—122.
- Kalicz N. 1984. Die Hatvan-Kultur. In: Tasić N. (Hrsg.). *Kulturen der Frühbronzezeit des Karpatenbeckens und Nordbalkans*. Beograd: BI SANU, 191—218.
- Kalisz-Schreiber R. 1984. Komplex der Nagyrev-Kultur. In: Tasić N. (Hrsg.). *Kulturen der Frühbronzezeit des Karpatenbeckens und Nordbalkans*. Beograd: BI SANU, 133—190.
- Kavruk et al. 2022: Kavruk V., Buzea D., Puskás J., Ștefan D. 2022. The Păuleni-Ciuc — Dâmbul Cetății fortified site at the crossroads of trans-mountain connection routes: the dynamics of cultural diversity, interplay, ritual and power in the Southeast Carpathian Region from ca. 4500 BC to 350 AD. In: Sirbu V., Ștefan D., Ștefan M.-M. (eds.). *Hidden Landscapes: The Lost Roads, Borders and Battlefields of the South-Eastern Carpathians*. Târgoviște: Cetatea de scaun, 97—152.

- Kašuba M. 2009. Die ältesten Fibeln im Nordpontos. Versuch einer Typologie der einfachen Violinbogenfibeln im südlichen Mittelß, Süd- und Südosteuropa. *Eurasia Antiqua* 14, 193—232.
- Kemenczei T. 1979. *Das mittelbronzezeitliche Gräberfeld von Gelej/Régészeti Füzetek II/20*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.
- Levinschi A.N., Borzic I.A. 1990. Necropola plană de tip Saharna-Soloncenii la Climăuți de Jos. *Buletinul Academiei de Științe a R.S.S. Moldova* 3 (95), 50—54.
- Levițki O.G. 1998. Considerații asupra monumentelor funerare din perioada Hallstattiană târzie de pe teritoriul Moldovei. *Revista arheologică* II, 28—59.
- Machnik J. 1984. Frühbronzezeitlichen Kulturen in Kleinpolen. In: Tasić N. (Hrsg.). *Kulturen der Frühbronzezeit des Karpatenbeckens und Nordbalkans*. Beograd: BI SANU, 341—376.
- Machnik J. 1991. *The Earliest Bronze Age in the Carpathian Basin*. Bradford: Dep. of Archaeological Sciences.
- Moscalu E. 1983. *Ceramica thraco-getică*. București: MNI.
- Motzoi-Chicideanu I. 2011. Bronze Age Burial Customs in the Middle and Lower Danube Basin (abstract). https://www.academia.edu/4751201/Bronze_Age_Burial_Customs_in_the_Middle_and_Lower_Danube_Basin_Abstract Visited 15.02.2026
- Motzoi-Chicideanu I., Șandor-Chicideanu M. 2015. Câteva date noi privind cronologia culturii Monteoru. *Mousaios* XX, 9—53.
- Munteanu R. 2010. *Inceputul bronzului mijlociu in depresiunile marginale ale Carpaților Orientali*. Piatra-Neamt: Constantin Matasă.
- Nicic A. 2008. *Interferențe cultural-cronologice în nord-vestul Pontului Euxin la fi nale mil. II — începutul mil. I a. Chr.* Chișinău: „Bons Offices” SRL.
- Novotna M., Novotny N. 1984. Die Hurbanovo-Typus. In: Tasić N. (Hrsg.). *Kulturen der Frühbronzezeit des Karpatenbeckens und Nordbalkans*. Beograd: BI SANU, 315—322.
- Sava E. 2002. Die Bestattungen der Noua-Kultur. *Prähistorische Archäologie in Südosteuropa*. Bd. 19. Kiel: Oetger/Voges.
- Puskás et al. 2023: Puskás J., Sztáncsu S.-J., Darvas L., Buzea D., Kosza-Bereczki J. 2023. Chronology of the Bronze Age in southeast Transylvania. *Dissertationes Archaeologicae ex Instituto Archaeologico Universitatis de Rolando Eutvys nominatae*, Ser. 3. No. 11, 77—178.
- Szekely Zs. 1997. *Perioada timpurie și începutul celei mijlocii a epocii bronzului în sud-estul transilvaniei*. București: Institutul Român de Tracologie.
- Ușurelu E. 2005. Contribuții noi la cronologia pieselor metalice caracteristice bronzului târziu carpato-nistean. *Revista arheologică (S.N.)* I (1), 72—76.

References

- Daragan, M.N., Kashuba, M.T. 2008. In *Revista arheologică (S.N.)* IV, 2, 40—73 (in Russian).
- Demchenko, T.I. 2008. In *Tyrageia (S.N.)* III (XVIII), 1, 189—202 (in Russian).
- Dergachev, V.A. 1976. *Otchet ob arkeologicheskikh issledovaniakh Priprutskoj ekspeditsii v 1975 godu (Report on the Archaeological Investigations)*. Kishinev, Arhiva MNAIM, nr. 101 (manuscript) (in Russian).
- Dergachev, V.A. 1982. *Materialy raspokop arkeologicheskoi ekspeditsii na Srednem Prute (1975—1976 gg.) (Research Materials from Excavations of the Middle Prut Archaeological Expedition in 1975—1976)*. Kishinev: “Știința” Publ. (in Russian).
- Dergachev, V.A. 1986. *Moldavia i sosednie territorii v epokhu bronzy (Moldavia and Neighboring Territories in the Bronze Age)*. Kishinev: “Știința” Publ. (in Russian).
- Dergachev, V.A. 2010. *Topory-kel’ty pozdnei bronzy Karpato-Podunav’ia (Socketed Axes of the Late Bronze Age from Carpathian-Danubian Region)*. Chișinău: Tipografia Centrală (in Russian).
- Kashuba, M.T. 2000. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 241—488 (in Russian).
- Romanchuk, A.A. 2003. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3) (2001—2002), 8—117 (in Russian).
- Romanchuk, A.A. 2009. In *Materialy po arkeologii Severnogo Prichernomor’ia (Proceedings on the Archaeology of the Northern Pontic Region)* IX, 54—67 (in Russian).
- Romanchuk, A.A. 2010. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 195—212 (in Russian).
- Romanchuk, A.A. 2011. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 187—206 (in Russian).
- Romanchuk, A.A. 2020. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 111—127 (in Russian).
- Romanchuk, A.A. 2025. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 257—262. DOI: 10.55086/sp253257262 (in Russian).
- Romanchuk, A.A., Iakimovskaia, A.D. 2014. In Grinin, L.E., Korotaev, A.V. (eds.). *Istoriia i Matematika: aspekty demograficheskikh i sotsial’no-ekonomicheskikh protsessov: ezhegodnik (History and Mathematics: Aspects of Demographic and Social-economic Processes: Yearbook)*. Volgograd: “Uchitel” Publ., 128—145 (in Russian).
- Romanchuk, A.A., Iakimovskaia, A.D. 2014. In Bisenbaev, A.A. (ed.). *Kadyrbaevskie chteniia-2014 (Kadyrbaev Conference-2014)*. Astana: “Megaprint” Publ., 165—169 (in Russian).
- Smimova, G.I. 1969. In *Arkeologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 11, 48—71 (in Russian).
- Cavruc, V. 2005. The Ciomortan group in the light of new researches. *Marmatia* 8 (1), 81—123.
- Dergachev, V.A. 2002. Die äneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. *PBF* XX (9).
- Diaconu, V. 2010. Considerații privind toparele de luptă din piatră specifice epocii bronzului din regiunile est-carpatice ale României. *Revista Arheologică (S.N.)*, V (1), 5—21.
- Diaconu, V. 2014. *Cultura Noua În regiunea vestică a Moldovei*. Rezumatul tezei de doctorat. Iasi.
- Diaconu, V., Mistreanu, E., Simalcsik, A., Florescu, G., Petrová, M. 2023. Bronze age burials in a tumulus from Brînzieni Noi (Republic of Moldova). Bio-archeological data. In Diaconu V., Gafincu A. (eds.). *The Bronze Age in Eastern Europe: multidisciplinary approaches*. Brăila: Istros, 107—134.
- Dietrich, L. 2011. Gânduri asupra dimensiunilor sociale ale vaselor de tip kantharos din cultura Noua. In Măgureanu, D., Măndescu, D., Matei, S. (eds.). *Archaeology: making of and practice. Studies in honor of Mircea Babeș at his 70th anniversary*, Pitești: Ordessos, 115—122.
- Kalicz, N. 1984. Die Hatvan-Kultur. In Tasić, N. (Hrsg.). *Kulturen der Frühbronzezeit des Karpatenbeckens und Nordbalkans*. Beograd: BI SANU, 191—218.
- Kalisz-Schreiber, R. 1984. Komplex der Nagyrev-Kultur. In Tasić, N. (Hrsg.). *Kulturen der Frühbronzezeit des Karpatenbeckens und Nordbalkans*. Beograd: BI SANU, 133—190.
- Kavruk, V., Buzea, D., Puskás, J., Ștefan, D. 2022. The Păuleni-Ciuc — Dâmbul Cetății fortified site at the crossroads of trans-mountain connection routes: the dynamics of cultural diversity, interplay, ritual and power in the Southeast Carpathian Region from ca. 4500 BC to 350 AD. In Sîrbu, V., Ștefan, D., Ștefan, M.-M. (eds.). *Hidden Landscapes: The Lost Roads, Borders and Battlefields*

№2. 2026

- of the South-Eastern Carpathians. Târgoviște: Cetatea de scaun, 97—152.
- Kašuba, M. 2009. Die ältesten Fibeln im Nordpontos. Versuch einer Typologie der einfachen Violinbogenfibeln im südlichen Mittellß, Süd- und Südosteuropa. *Eurasia Antiqua* 14, 193—232.
- Kemenczei, T. 1979. *Das mittelbronzezeitliche Gräberfeld von Gelej/Régészeti Füzetek II/20*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.
- Levinschi, A.N., Borziac, I.A. 1990. Necropola plană de tip Saharna-Solonceni la Climăuți de Jos. *Buletinul Academiei de Ştiinţe a, R. S. S. Moldova* 3 (95), 50—54.
- Leviţki, O.G. 1998. Consideraţii asupra monumentelor funerare din perioada Hallstattiană târzie de pe teritoriului Moldovei. *Revista arheologică* II, 28—59.
- Machnik, J. 1984. Frühbronzezeitlichen Kulturen in Klempolen. In Tasić, N. (Hrsg.). *Kulturen der Frühbronzezeit des Karpatenbeckens und Nordbalkans*. Beograd: BI SANU, 341—376.
- Machnik, J. 1991. *The Earliest Bronze Age in the Carpathian Basin*. Bradford: Dep. of Archaeological Sciences.
- Moscalu, E. 1983. *Ceramica thraco-getică*. Bucureşti: MNI.
- Motzoi-Chicideanu, I. 2011. Bronze Age Burial Customs in the Middle and Lower Danube Basin (abstract). https://www.academia.edu/4751201/Bronze_Age_Burial_Customs_in_the_Middle_and_Lower_Danube_Basin_Abstract Visited 15.02.2026.
- Motzoi-Chicideanu, I., Şandor-Chicideanu, M. 2015. Câteva date noi privind cronologia culturii Monteoru. *Mousaios* XX, 9—53.
- Munteanu, R. 2010. *Inceputul bronzului mijlociu in depresiunile marginale ale Carpaţilor Orientali*. Piatra-Neamt: Constantin Matasă.
- Nicic, A. 2008. *Interferenţe cultural-cronologice în nord-vestul Pontului Euxin la fi nale mil. II — începutul mil. I a. Chr.* Chişinău: „Bons Offices” SRL.
- Novotna, M., Novotny, N. 1984. Die Hurbanovo-Typus. In Tasić, N. (Hrsg.). *Kulturen der Frühbronzezeit des Karpatenbeckens und Nordbalkans*. Beograd: BI SANU, 315—322.
- Sava, E. 2002. Die Bestattungen der Noua-Kultur. *Prähistorische Archäologie in Südosteuropa*. Bd. 19. Kiel: Oetger/Voges.
- Puskás, J., Sztáncsuj, S.-J., Darvas, L., Buzea, D., Kosza-Bereczki, J. 2023. Chronology of the Bronze Age in southeast Transylvania. *Dissertationes Archaeologicae ex Instituto Archaeologico Universitatis de Rolando Etstvtss nominatae*, Ser. 3. No. 11, 77—178.
- Szekely, Zs. 1997. *Perioada timpurie şi începutul celei mijlocii a epocii bronzului în sud-estul transilvaniei*. Bucureşti: Institutul Român de Tracologie.
- Uşurelu, E. 2005. Contribuţii noi la cronologia pieselor metalice caracteristice bronzului târziu carpato-nistrean. *Revista arheologică (S. N.)* I (1), 72—76.

Статья поступила в номер 27 февраля 2026 г.

Aleksey Romanchuk (Kishinev, Moldova). PhD in Theory and history of culture. Institute of Cultural Heritage¹.

Aleksey Romanchuk (Chişinău, Moldova). Candidate în culturologie. Institutul Patrimoniului Cultural.

Романчук Алексей Андреевич (Кишинёв, Молдова). Кандидат культурологии. Институт культурного наследия.

E-mail: dierevo@mail.ru, dierevo5@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2021-7958

Address: ¹ Stefan cel Mare Bd., 1, Kishinev, MD-2001, Moldova

Список сокращений

ABES	— Археология Восточно-Европейской степи: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов.
АДУ	— Археологія і давня історія України. Київ.
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні. Київ.
АЕС	— Археология Евразийских степей. Казань.
АлтГТУ	— Алтайский государственный технический университет. Барнаул.
АлтГУ	— Алтайский государственный университет. Барнаул.
АН	— Академия наук.
АН РМ	— Академия наук Республики Молдова. Кишинэу.
АН РТ	— Академия наук Республики Татарстан. Казань.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АН УзССР	— Академия наук Узбекской ССР. Ташкент.
арм.	— армянский язык.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
АЭФ	— Армянская этнография и фольклор. Ереван.
БАН	— Българската академия на науките. София.
БМАК	— Бактрийско-Маргианский археологический комплекс.
БСЭ	— Большая советская энциклопедия. 3-е изд.
ВААЭ	— Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
ВГПИ	— Воронежский государственный педагогический институт. Воронеж.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ВОН	— Вестник общественных наук. Ереван.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГМИИ	— Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Москва.
ГМО	— горно-металлургическая область.
ГМЦ	— горно-металлургический центр.
ДДБК	— днепро-донская бабинская культура.
ДПБК	— днепро-прутская бабинская культура.
ЗИИМК	— Записки Института истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург.
ИА АН СССР	— Институт археологии Академии наук СССР. Москва.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской академии наук. Москва.
ИАИАИАНД	— Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов.
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск.
ИВ РАН	— Институт востоковедения РАН. Москва.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург.
ИМин	— Институт минералогии.
ИНИОН	— Институт научной информации по общественным наукам АН СССР / РАН. Москва.
ИФЖ	— Историко-филологический журнал. Ереван.
ИЭА РАН	— Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. Москва.
ИЯЛИ	— Институт языка, литературы и истории.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної академії наук України. Київ.
ІКЗ «Більськ»	— Історико-культурний заповідник «Більськ». Більськ.
КГУ	— Куйбышевский государственный университет. Куйбышев.
КИГИ	— Калмыцкий институт гуманитарных исследований. Элиста.
КИО	— культурно-историческая общность.
КЛК	— каменско-ливенцовская культура.
КМ	— курганный могильник.
КМЦ	— координационно-методический центр.
КРС	— крупный рогатый скот.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР / РАН. Москва.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград / Санкт-Петербург.

МАИАСП	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Несециона.
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МАЭ РАН	— Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МДАСУ	— Материалы та дослідження з археології Східної України. Луганськ.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МИА	— Музей истории Армении. Ереван.
МНВО РК	— Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан. Астана.
МНВО РФ	— Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Москва.
НА ІА НАНУ	— Науковий архів Інституту археології Національної Академії наук України. Київ.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НАН	— Национальная Академия наук.
НАНУ	— Национальная Академия наук Украины. Киев.
НАУКМА	— Национальный университет «Киево-Могилянская академия». Киев.
НГУ	— Новосибирский государственный университет. Новосибирск.
НИИГН	— Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. Саранск.
НЦ	— научный центр.
ОАК	— Отчет Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ОГПУ	— Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург.
ПА	— Поволжская археология. Казань.
ПГПУ	— Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского. Пенза.
ПКБ	— посткатакомбный культурный блок.
РА	— Российская археология. Москва.
РАН	— Российская Академия наук. Москва.
РАЭСК	— региональная археолого-этнографическая студенческая конференция.
РРОО	— Ростовская региональная общественная организация. Ростов-на-Дону.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СамНЦ РАН	— Самарский научный центр Российской академии наук. Самара.
СГСПУ	— Самарский государственный социально-педагогический университет. Самара.
СГУ	— Саратовский государственный университет. Саратов.
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
СКК	— северокавказская культура.
СНУ	— Східноукраїнський національний університет ім. В. Даля. Луганськ.
СНЦ РАН	— Самарский научный центр Российской академии наук. Самара.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
СЭ	— Советская этнография. Москва.
ТАС	— Тверской археологический сборник. Тверь.
ТХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва.
ТюмГНГУ	— Тюменский государственный нефтегазовый университет. Тюмень.
УАЭ	— Уральская археологическая экспедиция.
УГГУ	— Уральский государственный горный университет. Екатеринбург.
УИФ	— Уральская издательская фирма.
УООПИК (УТОПИК)	— Украинское общество охраны памятников истории и культуры = Українське товариство охорони пам'яток історії та культури. Київ.
УФИЦ	— Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук. Уфа.
ХНУ	— Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна. Харків.
ЦП НАНУ	— Центр пам'ятниковедення Національної академії наук України. Київ.
ЦЧКИ	— Центральное-Чернозёмное книжное издательство. Воронеж.
ЧГИГН	— Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Чебоксары.
ЭРМ	— эпоха раннего металла.
ЮТАЭ	— Южно-Таджикская археологическая экспедиция.
ЮФУ	— Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону.
AS	— Anatolian Studies. Ankara.
BAR	— British Archaeological Reports. Oxford.
СЕР USM	— Centrul editorial-poligrafic al Universității de Stat din Moldova. Chișinău.
CNRS	— Centre national de la recherche scientifique. Paris.
INQUA	— International Union for Quaternary Research.
MNAIM	— Muzeul național de Arheologie și Istorie din Moldova. Chișinău.
S.N.	— seria nouă.
ТТКУ	— Türk Tarih Kurumu Yayinlari. İstanbul.